

Е. Фуксъ.

АНЕКДОТЫ
КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,
ГРАФА
СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

изданіе

А. Радонежскаго.

Прибыль отъ продажи поступить на памятникъ Суворову.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФИЯ

1900

✓ 110
1100

Е. Фуксъ

АНЕКДОТЫ

КНЯЗЯ ИТАЛІЙСКАГО,

Г Р А Ф А

СУВОРОВА РЫМНИКСКАГО.

—
ИЗДАНИЕ

8 3304

А. Радонежскаго.

—
Прибыль отъ продажи поступить на памятникъ Суворову.

—
С - ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1900

А. А. Суворовъ Рижанъ
1799 г

СОДЕРЖАНИЕ	
ПРЕДИСЛОВІЕ.....	4
ДРУГУ.....	5
АНЕКДОТЫ О СУВОРОВѢ.....	8

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Фуксъ Егоръ Борисовичъ служилъ при Безбородко по дипломатической перепискѣ. Съ 1798 года состоялъ правителемъ дѣлъ у Суворова во время итальянскаго похода, а въ 1812 г. въ томъ же званіи у Кутузова.

Сочиненія, написанныя Фуксомъ: «Исторія Австрійско-Россійской кампаніи 1799 г.» (изд. 1826 — 1830 г.), «ИСТОРИЯ ГЕНЕРАЛИССИМУСА, князя Италійскаго Графа Суворова Рымникскаго» (1811 г.), «Собраніе разныхъ сочиненій» (1827 г.). «Анекдоты Князя Италійскаго, Графа Суворова Рымникскаго. С.-Петербург 1827 г».

По отзыву составителя прекрасной книги: «Генералиссимусъ Князь Суворовъ» А. Петрушевскаго, «Анекдоты Фукса представляютъ наборъ анекдотическихъ подробностей о Суворовѣ, безъ всякой системы и порядка между коими встрѣчаются и небывальщины»¹.

Тѣмъ не менѣе я считаю благовременнымъ издать книжку Фукса въ ея первоначальномъ видѣ съ соблюденіемъ особенностей его правописанія, такъ какъ оной нѣтъ въ продажѣ и она стала рѣдкостью. Между тѣмъ каждое слово о Суворовѣ очевидца и ближайшаго сотрудника его, безъ сомнѣнія, драгоцѣнно.

Всѣ, писавшіе о Суворовѣ послѣ Фукса — Михайловскій-Данилевскій, Милютинъ, Полевой, самъ г. Петрушевскій и др. пользовались сичиненіями Фукса.

Правда, многіе изъ анекдотовъ, собранныхъ Фуксомъ, общеизвѣстны, но въ нихъ столько юмора, что и, по нѣсколько разъ перечитывая ихъ, испытываешь истинное наслажденіе. Но кто впервые прочтетъ «Анекдоты Фукса», найдетъ для себя много новаго, въ высшей степени любопытнаго. Суворовъ обладалъ природнымъ юморомъ. «Проказничая, Суворовъ, — пишетъ Фуксъ, — былъ всегда серьезенъ, никогда не улыбался, какъ будто-бы все это въ порядкѣ вещей. Многіе рассказы производятъ въ читателѣ неудержимый смѣхъ, какъ напр: объѣдъ данный Суворовымъ Потемкину и его свитѣ, или — церемоніѣ возложенія на камердинера Прошку двухъ медалей, пожалованныхъ ему королемъ Сардинскимъ съ надписью на латинскомъ языкѣ: «ЗА СБЕРЕЖЕНІЯ ЗДОРОВЬЯ СУВОРОВА», При рескриптѣ съ такимъ адресомъ «Господину Прошкѣ, камердинеру Его Сіятельства князя Суворова и др.

Кромѣ анекдотическихъ рассказовъ въ книжкѣ Фукса приведено множество, высказанныхъ Суворовымъ, взглядовъ, своеобразныхъ, глубокихъ, остроумныхъ, о религіи, политикѣ, военномъ дѣлѣ, исторіи, поэзіи, музыкѣ, живописи.

Въ представленіи нашего общества Суворовъ рисуется или какъ полководецъ, или чудакъ. Книжка Фукса даетъ много матеріала для изученія Суворова и какъ человѣка, и какъ русскаго гражданина.

Извѣстно, что Суворовъ не терпѣлъ ни портретовъ своихъ, ни зеркалъ: «Не хочу видѣть еще такую рожу, какъ моя». Даже Императрица Екатерина снисходила этой странности и приказывала, во время пріема Суворова, завѣшивать во дворцѣ зеркала.

«Анекдоты Фукса» — это живой портретъ Суворова, вѣрное зеркало, гдѣ отразился духовный обликъ великаго человѣка, русскаго богатыря не только на полѣ брани, но и на поприщѣ, науки и нравственности.

А. Р.

¹ «Генералиссимусъ Кн. Суворовъ». А. Петрушевскаго. Т. 3. Приложение.

Другу.

Вотъ вамъ, любезнѣйшій и почтеннѣйшій другъ анекдоты мои о Суворовѣ. Многіе пишутъ я еще при жизни его: многіе растеряли въ походахъ; многими, о которыхъ вспомнилъ, пополнилъ недостающіе. Боюсь, что, можетъ быть, забылъ помѣстить какой-нибудь достопамятный, который лучше всѣхъ этихъ ознаменовалъ бы и душу и умъ его. Но если вспомню, то присоединю непременно. Исполнивъ обѣтъ, данный моему великому благодѣтелю, кончивъ Исторію Россійско-Австрійской кампаніи, я теперь отдыхаю и пишу, что вспомню. Чувствую, и вы со мною согласитесь, что всѣ, разбросанныя въ анекдотахъ сихъ, черты не составляютъ еще полнаго, похожаго его портрета. Всѣ великіе полководцы, древнѣйшихъ и новѣйшихъ вѣковъ, имѣли свои особенности, безъ которыхъ не отличались бы отъ толпы: но они слѣдовали свѣтскимъ приличіямъ. Нашъ же, какъ, будто выирыгнувъ изъ сей сферы, и представляетъ собою необыкновенное, единственное явленіе и на военномъ поприщѣ, гдѣ онъ непобѣдимъ, и въ кабинетѣ своемъ, гдѣ непостижимъ. Румянцевыхъ, Кутузовыхъ, Тюреневъ и другихъ мы знаемъ: ибо они дѣйствовали, обращались съ людьми по-людски, говорили нашимъ языкомъ: тонкости и тайны ихъ раскрылись. Но Суворовъ, по словамъ Клинтонъ, остается іероглифомъ и въ потомствѣ. Спросите всѣхъ, оставшихся еще въ живыхъ стариковъ, которые знали его лично, и вы услышите сужденія объ немъ противорѣчащія: одни будутъ его возносить до небесъ; другіе же, а особливо видѣвшіе его однажды, находили его человѣкомъ разстроеннаго разсудка. Не сердитесь на послѣднихъ: — я въ началѣ принадлежалъ къ ихъ числу. Признаюсь, что первое мое свиданіе съ нимъ произвело во мнѣ впечатлѣніе, весьма невыгодное. Меня представилъ Генераль отъ Инфантеріи А. Г. Розенбергъ. Суворовъ выбѣжалъ въ рубашкѣ, утирая лицо тряпицею. «Кто это такой?» спросилъ онъ его. Тотъ отвѣчалъ: «Это Статскій Совѣтникъ Фуксъ». — «Ахъ, помилуй Богъ, какой ты худошавый, тебѣ надобно со мною ѣздить верхомъ». Вотъ для меня новая забота! отъ роду верхомъ я не ѣздилъ. — Послѣ спросилъ опять Розенберга: «А этотъ кто?» Ответъ: Статскій Совѣтникъ Башловскій. — «Ахъ, какъ ты толстъ, «сказалъ онъ ему «я къ тебѣ залезу въ брюхо погрѣться, когда озябну». Такое вступленіе въ новое знакомство мнѣ очень не понравилось, и я ушелъ отъ его обѣда. За столомъ спрашивалъ онъ, куда дѣвался худошавый Бригадиръ? и ему отвѣчали, что занемогъ коликою. — Отъ многихъ старался я узнавать о первыхъ впечатлѣніяхъ, которыя производилъ его пріемъ; и всѣ согласовались съ моими чувствами. Чтобы и вы со мною согласились, позвольте мнѣ васъ ему представить. Переселимся мысленно въ вѣкъ его и сыграемъ комедію: но невымышленную. Зная васъ, ваше воспитаніе, вашу образованность, ваше уваженіе къ вельможамъ, вы бы конечно пожелали увидѣть того знаменитаго Россіянина, героя всѣхъ вѣковъ прошедшихъ и будущихъ. Вы, можетъ быть, невольно приготовились бы сказать ему что-нибудь лестное; но, вдругъ, гдѣ вы? — въ избѣ, или простой горницѣ; старикъ, въ солдатской курткѣ или въ рубашкѣ, безъ докладовъ выбѣгаетъ, обнимаетъ васъ, начинаетъ вамъ рассказывать странности, небылицы, прыгаетъ, вертится, дѣлаетъ вамъ вопросы, ни съ чѣмъ несообразные. Вы трепещете, чтобы не проговориться, не попасть въ немогузнайки; и кто же этотъ чудакъ? Суворовъ! — Навѣрно сказали бы вы мне то же, что одинъ добрый и достойный пріятель мой, котораго я уговорилъ представиться ему, и которому онъ сказалъ, увидя большой его носъ: «Поцѣловалъ бы тебя въ губы, но носъ мѣшаетъ». Пріятель мой симъ оскорбился, и сказалъ мнѣ съ досадою: «Что вамъ вздумалось привести меня въ домъ сумасшедшихъ». Хотѣлъ-было тотчасъ уйти. — Такъ и Лейбъ-Медикъ, Вейкартъ, послѣ перваго пріема, хотѣлъ немедленно возвратиться въ Петербургъ. И онъ обидѣлся отзывомъ Суворова, что Наумъ, его фельдшеръ, первый врачъ въ Европѣ. А такъ какъ у Вейкарта выговоръ нѣмецкій ему не понравился, то велѣлъ ему говорить по-Русски, и отвѣчать даже на этомъ языкѣ, если бы Суворовъ и забывшись сталъ съ нимъ говорить по-Нѣмецки. Вейкартъ съ трудностію изъяснялся по-Русски. Подивитесь же теперь! Пріятель мой сдѣлался въ продолженіе времени преданнейшимъ человѣкомъ Суворова; а Вейкарта застаю я въ Вильнѣ на колѣнахъ предъ Распятіемъ молящагося съ пролитіемъ слезъ. Я испугался и спросилъ его, не получилъ ли онъ изъ Петербурга непріятныхъ о семействѣ своемъ извѣстій? «Нѣтъ», отвѣчалъ онъ «вижу, что медицина наша ограничена; я прибѣгаю и молю всѣхъ благъ Подателя, да вразумитъ меня изцѣлить нашего отца». — Такъ всѣ окружавшіе его, послѣ первыхъ тяжкихъ испытаній, дрались его приверженцами. — Что подумали бы вы на сей аудіенціи, увидя Генералиссимуса, то подбѣгающаго къ вамъ, то отбѣгающаго, начинающаго въ одномъ углу дѣлать сравненіе древнихъ Грековъ съ Римлянами: вдругъ слышите вы рассказы о бывшей пляскѣ въ Боровицкомъ уѣздѣ; отсюда переходъ къ Римнику, повѣствованіе о сраженіи, котораго вы не понимаете. Но довольно вы устали; выходите изъ сего сумбурнаго міра, и спрашиваете меня, где же Суворовъ? — Онъ въ своемъ кабинетѣ тамъ все, что вы видѣли и слышали здѣсь, прекращается. Тамъ однажды я некстати расшутился, и онъ мнѣ сказалъ: «Зачѣмъ не сберегъ ты лучше эти матеріалы для стола; теперь пора рабочая». Тамъ диктуетъ онъ диспозицію къ сраженію, взвѣшиваетъ въ умѣ своемъ силы непріятельскія, назначаетъ позиціи своимъ войскамъ, предписываетъ имъ, дѣйствія новыя, чертитъ самъ планы, или поправляетъ ошибки искуснѣйшихъ своихъ Генераль-Квартирмейстеровъ, Шателера и Цаха, которые за то не сердятся, но